

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Человек, у которого были идеи

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619535*

Аннотация

«... – Я могу быть вам очень полезен.

– Да? Чем?

– А, видите ли, я с ног до головы набит различными идеями; я, так сказать, ящик Пандоры, с тою лишь разницей, что содержимое ящика Пандоры было – змеи, а я – вместилище идей.

– Чего же вы хотите?

– Поделиться с вами. Вдвоем мы сможем завоевать весь мир.

...»

Содержание

I	4
II	8
III	10
IV	13

Аркадий Аверченко

Человек, у которого были идеи

Посвящается Н.А. Тэффи

I

Его звали Калакуций – он сам сказал мне это. Называю его фамилию для того, чтобы всякий знал, кто такой Калакуций, если Калакуций появится на горизонте. Если появится на горизонте человек с озабоченным выражением лица, маленький, крепкий, худой, черноволосый, с энергичными жестами и бодрым взглядом на будущее, человек в потертом костюме, но имеющий в одном из его карманов ключ к богатству, – если он появится, то это и будет Калакуций.

Он и ко мне пришел, этот Калакуций – человек с усталым, но энергичным и озабоченным выражением лица, носивший, вероятно, еще недавно глубокий траур по одному из своих родственников и снявший на днях этот траур со всего себя, кроме одного места – ногтей, вид которых доказывал, что обладатель их никак не мог утешиться, потеряв родственника.

– Давно собираюсь к вам. – сказал он, – да все был занят. Я – Калакуций. Много слышал о вас как о способном человеке и поэтому пришел к вам, ибо такой человек должен оценить меня.

Он сделал передышку.

– Я могу быть вам очень полезен.

– Да? Чем?

– А, видите ли, я с ног до головы набит различными идеями; я, так сказать, ящик Пандоры, с тою лишь разницей, что содержимое ящика Пандоры было – змеи, а я – вместилище идей.

– Чего же вы хотите?

– Поделиться с вами. Вдвоем мы сможем завоевать весь мир.

– Это идея, – усмехнулся я.

Он энергично потер ладони одну о другую.

– Видите – первая идея уже дана. Но серьезно, когда вы увидите, что я за человек, вы должны меня прямо с руками оторвать.

– От чего?

– Как это так – от чего?

– От чего оторвать? Вы к чему-нибудь прикреплены?

– Увы, теперь нет. Служил в контроле сборов, но ушел, потому что служить где-нибудь мне равносильно, как если бы алмазом резать кисель. И вот теперь я свободен – пользуйтесь.

– Гм... Ну давайте-ка на пробу какую-нибудь идею...

– Идею? Попролам, конечно?.. Слушайте! Прежде всего журнал! Мы должны издавать журнал совершенно нового типа и новых задач. Такого журнала, ручаюсь вам, еще не было и, держу пари, – не будет. Были журналы для актеров, для художников, даже для каких-то резчиков по металлу и текстильных рабочих... А такого не было.

– Для кого же будет ваш журнал?

Калакуций сложил руки на груди и, глядя на меня в упор, отчеканил:

– Журнал специально для потерпевших кораблекрушение!

Я вскочил с места.

– Ага! Вы поражены... Не удивительно ли, что до этого никто до сих пор не додумался. В самом деле, посмотрите-ка – кто больше всего нуждается в своем органе, как не эти заброшенные люди, для которых мой журнал будет другом, советником и помощником. Я думаю завести такие отделы: легкое чтение. В долгие томительные вечера, когда ветер шумит и свистит между прибрежных скал, а океан поет свою вечную песню, – это чтение даст бедняге отдых и успокоение... Затем отдел второй – практические советы. Как построить себе хижину, как находить съедобные сорта растений, а также способы охоты за животными. Третий отдел – почтовый ящик. Ответы на читательские вопросы по поводу...

– Один вопрос, – перебил я. – Где предполагается местопребывание ваших будущих подписчиков? Я полагаю, на необитаемом острове?

Он осторожно спросил:

– Почему именно на необитаемом?

– Да потому, что на обитаемых ему ваш журнал не нужен. Он найдет там все – от жилища до журналов – и без вас. Значит, остров необитаемый? Хорошо. Теперь предположим, человек путешествует на корабле; пока он не потерпел кораблекрушение – он и думать не будет о вашем журнале; пока этот журнал абсолютно не для него. Теперь: если он потерпел кораблекрушение – как он подпишется на этот журнал? Поймает птицу, привяжет к ней подписной билет и деньги и пустит ее лететь в вашу редакцию? А вдруг она не долетит? Вдруг ее убьют или ограбят любители чужого? Ну, скажем, она долетела по адресу. Как же вы будете рассылать ваш журнал по назначению?

– Я уже думал об этом, – сказал с легким беспокойством Калакуций. – Можно соорудить такие маленькие пакетботы, которые развозили бы...

– Да поймите вы, что если такой пакетбот пристанет к острову, то самое простое не вручать подписчику вашего журнала, а просто забрать беднягу на борт и привезти в Европу...

II

Калакуций, огорченный, долго молчал.

– Пожалуй, вы и правы. Ну да ведь я вам сказал идею этого журнала к примеру. Математически она все-таки хороша и проста. Вот только практически... Гм!..

Он согнал со своего лица задумчивость, встрепенулся и бодро сказал:

– Хотите, я вам скажу настоящую идею? Я долго ее вынашивал и обдумал так, что, как говорится, комар носу не подточит. Конечно, я надеюсь на вашу порядочность, и если мы, скажем, в условиях не сойдемся, то вы даете мне слово, что не воспользуетесь моей идеей без меня?

– Даю. Конечно, даю.

– Вы задавали себе вопрос: почему наши извозчики бедствуют? Очень просто – их разоряет лошадь. Ее нужно сначала приобрести, потом кормить, иметь для нее конюшню, подковывать и тратиться на ремонт сбруи. О кнуте я уже не говорю. Что же делаю я? Лошадь к черту! Оглобли к черту! Просто я придумаю впереди большое колесо, педали для ног извозчика, как на велосипеде, и мой извозчик начинает, ничтоже сумняшеся, ездить без лошади, овса и сбруи. О кнуте я уже и не говорю.

– Позвольте, – подумав, возразил я. – О кнуте вы уже и не говорите... При наличии двух седоков, общий вес будет

пудов шестнадцать-семнадцать. Одному человеку не сдвинуть этого, хоть вы приделайте десять колес.

– Я уже думал об этом. Если даже это и так – оно не важно. Важен принцип. Математически он прост и осуществим. А движение?.. Если извозчиковы ноги не годятся, ведь можно сделать и механический двигатель. Паром там, или электричеством.

– Да, да, – подхватил я. – Поставить бензиновый двигатель, и конец.

– Ну конечно! – радостно согласился Калакуций. – Вот вы меня и поняли.

– А для управления приделать руль!

– Ну да! Верно!!

– А двигатель сделать посильнее, да и устроить экипаж на четырех пассажиров. Да! Ей-богу! И тогда... (я злорадно помедлил) и тогда вы будете иметь обыкновенный автомобиль, изобретенный несколько лет тому назад, и который вы можете видеть на улицах в числе нескольких тысяч экземпляров.

III

Если бы кто-нибудь хотел видеть человека, раздавленного в лепешку – ему нужно было бы посмотреть на Калакуция.

Свесив голову, он тяжело дышал. Лицо его было изобразлено страдальческими морщинами, как у человека, который неожиданно увидел свою заветную мечту разрушенной и втопанной в грязь. Он вздыхал и вертел головой... Он чуть не плакал.

– А ведь как было математически просто... – скорбно сказал он.

Я спросил его:

– Больше у вас ничего нет?

– Ах, конечно же, есть. Я сверху донизу, как колбаса, набит разными идеями. У вас есть издатель?

– Есть.

– Не купите ли вы в компании с ним у меня одну книжку?

Можно хорошо нажать.

– Какую книжку?

– Мою. Стихи. Я издал месяц тому назад книжку, ухлопал на нее все денежки, а так как у меня нет охоты возиться с ней, то я бы уступил ее за полцены. Около десяти тысяч книжек.

– Что вы! Когда же стихи печатались в таком количестве?!

– Почему же? Тут уж наверное мой способ математически прост и осуществим... Я рассчитывал так: чем больше я на-

печатаю книжек, тем больше можно заработать.

– А если книжка не пойдет?

– Почему же ей не пойти? Слава богу, стихи, кажется, хорошие. Повторяю – мой расчет математически прост: за один месяц я продал двести книг. Значит, в год я продам (или вы продадите) две тысячи четыреста, а в четыре года и два месяца – все, до последней книжечки.

Я встал с кресла:

– Довольно! Еще два слова, и мы закончим наш разговор. Я вам приведу другой расчет – он так же «математически прост и осуществим». Если человек в две минуты съедает одну котлету, то в час он, значит, съест тридцать котлет? А в рабочий восьмичасовой день 240 котлет? Отвечайте, черт возьми!

– Почему вы это говорите? – растерялся Калакуций.

– Потому что можно съесть две котлеты, можно купить двести книжек, но не больше! Слышите вы – не больше!

– Однако же, раз двести покупателей нашлось, почему же не найдись еще несколькими тысячам?

– Почему? Да потому, что нет такой самой скверной, самой ледащей книжонки, которая бы не продалась в этом фатальном количестве – «двести экземпляров». Это издательское правило. Кто эти двести покупателей, двести чудаков? Неизвестно. Их никто не видал. Брюнеты они, блондины или рыжие, бородатые или бритые – бог весть. Их никто не знает. Я бы дорого дал, чтобы лично взглянуть хоть на одного

из этой таинственной секты «двухсот». Чем они занимаются? Домовладельцы ли, антрепренеры, библиотекари или конокрады? Это не узнано и, вероятно, никогда не узнается. Но они неуклонно продолжают свое нелепое дело, эти двести безумцев, – и своими деяниями сбивают с толку таких простаков, как вы.

IV

Калакуций выслушал меня, встал, стер ладонью пот со лба и сказал:

– В таком случае я у вас попрошу маленького одолжения. Мне нужно немножко денег, так рублей пятьдесят... для одного дела. Через две недели я вам отдам хоть сто.

Он был бледен и худ от голода.

Призадумавшись немного, я кивнул головой и предложил этому человеку, набитому с ног до головы идеями, свою идею.

– Знаете, что? Я вам не дам пятидесяти рублей с условием получения обратно ста, а я предложу вам десять рублей, но зато без всякого возврата.

Очевидно, он нашел мою идею «математически простой и легко осуществимой», потому что взял золотую монету. И ушел.

Я думаю, что ушел он от меня довольный мною.

Человеку, потерпевшему кораблекрушение, так приятно встретить на необитаемом острове другого человека.